

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ В ПОИСКАХ БОГОСЛОВИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ И ИММАНЕНТНОСТИ

Во все времена перед богословием стояла задача определения христианского представления о природе Бога, которая бы уравновешивала и поддерживала в творческом конфликте два божественных атрибута – трансцендентность и имманентность. Библейский Бог самодостаточен и существует вне мира. Он царит над вселенной и посещает свое творение. Но в то же время он участвует в жизни своего творения, активно взаимодействуя с миром в ходе исторических и естественных процессов.

В XX веке богословы пытались решить эту задачу, которую они унаследовали от своих предшественников, в условиях нарушенного равновесия. Сложившаяся ситуация стала результатом отказа ученых эпохи Просвещения от единства мнений, существовавшего в Средние века.

Средневековые мыслители стремились установить равновесие между трансцендентностью и имманентностью с помощью особых категорий. Бог обитал на небесах, но при этом активно участвовал в жизни мира. Этот Бог в начале явил себя людям как Творец, а затем как Искупитель, воплотившись в Иисусе. В средневековом представлении Бог продолжает деятельно присутствовать в мире при посредничестве церкви, которая служит связующим звеном между небом и землей. В жизни церкви, особенно в отпавлении таинств, находят отражение духовные реалии, сущие на небесах.

Эпоха Просвещения стерла границу, разделявшую эти две сферы. Творение вошло в непосредственный контакт с Творцом. Для этого ему потребовалась лишь помощь разума с его способностью к познанию *Логоса*, общего для всей вселенной. Проникая в самую суть *Логоса*, разум может постичь все тайны бытия. Век разума сформировал

мировоззрение, которое сегодня принято называть модернизмом. Его сторонники ищут, и порой даже уверяют, что нашли абсолютное знание и уверены в его истинности.

Мыслители девятнадцатого века попытались преодолеть рационализм Просвещения. Но, несмотря на благие намерения, богословы этого периода не смогли отказаться от предпочтения имманентности, унаследованное от эпохи разума. К тому же нельзя сказать, что они ставили перед собой именно такую цель. Таким образом, их коллегам в XX веке предстояло самим решить проблему характеристики трансцендентности имманентного Бога и одновременно добиться желанного равновесия.

Задача, стоявшая перед богословами двадцатого века, была не из легких. Им пришлось решать, может ли вообще существовать такое равновесие, с учетом влияния Просвещения на современное мышление и «погружения» Бога в мир, характерного для богословских учений девятнадцатого века? Первым восстал Барт, и вслед за ним другие мыслители начали искать новые богословские модели, подходящие для постпросветительской эпохи. Мы уже успели убедиться, что решения, предложенные этими богословами, свидетельствуют о нестабильности ситуации в случае нарушения равновесия между трансцендентностью и имманентностью. Богословский маятник качался из одной крайности в другую.

Приближаясь к концу столетия, мы по-прежнему не уверены, добились ли мы успеха в решении этой проблемы. Вместо разработки сбалансированного богословия, учения последних десятилетий, похоже, только усилили напряжение между имманентностью и трансцендентностью. Ведь именно в XX веке в академических кругах стали раздаваться голоса богословов, отчаявшихся решить стоящую перед ними задачу и призывающие к прекращению богословских исследований как таковых. Может ли век, начавшийся на столь оптимистичной ноте, — с человека, создавшего одно из самых объемных богословских произведений всех времен — плачевно закончиться разрушением систематического богословия? Этот вопрос — свидетельство того, что мыслителям двадцатого века предстоит не только решить проблему создания богословского учения, которое уравнивало бы божественную трансцендентность и имманентность. От них будет зависеть само существование богословской задачи в ее традиционном понимании.

Но, несмотря на возникшие трудности, нельзя не отметить заслуги богословов XX века. Пусть им не удалось выработать единое направление развития их дисциплины, но, по крайней мере, можно

говорить о слабой тени, указывающей нам путь в будущее. Богословская история столетия содержит в себе некий намек на то, что необходимо принять во внимание при попытке создания сбалансированной богословской теории.

Двадцатый век начался с протеста против упора на имманентности, столь характерного для западного мышления со времен эпохи Просвещения. Как следствие, в основе богословия этого периода лежало стремление возродить трансцендентность. Мы видели, что богословие имманентности не исчезло с научного горизонта. На протяжении всего столетия поборники имманентности и сторонники трансцендентности пытались уравновесить крайности друг друга. И все же величайшим богословским наследием двадцатого века остается возрождение значимости трансцендентности. Позиция ее сторонников, начиная с Карла Барта, ясна: в основании каждого богословского учения, чьи создатели верны стоящей перед ними задаче, должно лежать желание внимательно прислушиваться к звучащему с небес Божьему слову. Иными словами, богословие должно оставаться, по выражению Барта, «наукой радости», зная даже в самых безнадежных обстоятельствах, что Бог говорит с нами, и мы способны услышать его голос.

Но остается еще проблема толкования. Как следует понимать термины «слово», «Бог» и «небеса»? В каком смысле голос Бога проникает в наш мир? И что за Бог обращается к нам таким образом? Откуда звучит его голос? Все эти вопросы остро стояли перед богословами XX века, причем каждое крупное богословское течение внесло свой вклад в поиск ответов.

Неоортодоксы, разумеется, утверждали, что Слово Божье приходит в наш мир извне. Но это движение сыграло дисциплинирующую роль. Оно напомнило нам о классической христианской доктрине греха, что должно было заставить богословов задуматься о надменности современного мышления и не прийти к заключению, что мы способны познать истину путем рациональных умозаключений. Барт, возможно, был излишне категоричен в отрицании естественного богословия. Но отрезвляющее влияние, которое он и другие мыслители-неоортодоксы противопоставили беспредельному оптимизму классического либерального богословия, оказалось глубоким и долговременным. Наша падшая природа действительно не позволяет нам решать проблемы человеческого существования, используя только свои врожденные способности. Нам необходима помощь извне. Возможно, вопреки утверждениям Барта, между врывающимся в нашу жизнь Словом и вмещающим его в себя человеком существует

точка соприкосновения. Но в конечном итоге сила, вторгающаяся в наш мир извне, имеет совершенно иную природу.

Возрождение либерализма в XX веке тоже имело определенную ценность. Пауль Тиллих напомнил нам о том, что Божье Слово приходит в мир не по чьей-то прихоти, а в ответ на один из фундаментальных вопросов, которые ставит перед нами окружающий мир и наше собственное существование. Кроме того, желая донести до людей истину веры, мы не должны рассматривать понятия «извне» с прежней пространственной точки зрения. И хотя Тиллих не выдвинул достойной альтернативы, он красноречиво сформулировал проблему, над решением которой работали богословы 60-х годов.

Богословие процесса выдвинуло тезис, воспринятый всеми последующими поколениями богословов, хотя они и адаптировали его к своим учениям. Реальность динамична, а не статична. Данный тезис позволяет сделать далеко идущие богословские выводы. Все связанное с божественной реальностью должно исходить из того, что, в определенном смысле, Бог соучаствует с нами в динамическом вселенском процессе. Это утверждение, разумеется, толкуется по-разному.

Радикальные богословские движения 1960-х покончили с прежней пространственной моделью взаимоотношений Бога с миром. Образ Бога, восседающего на небесах, изжил себя, объявили они. Если Бог и говорит, его имманентный голос звучит из глубины современной светской жизни.

Но заявления светских богословов отнюдь не означали смерти трансцендентности. Напротив, они дали толчок к разработке нового метафизического представления о Боге и мире, временной метафоры, предложенной создателями богословия надежды. Вместо того чтобы вторгаться к нам свыше, Бог приходит в мир извне времени, утверждали они. Бог участвует в нашем настоящем с позиции будущего. Тем самым Мольтман и Панненберг, которому, кстати, сопутствовал большой успех, попытались восстановить равновесие, утраченное с нарушением средневекового единства мнений.

Вслед за обещанием возможного единомыслия на основе временной метафоры богословие освобождения напомнило нам, что переход к временной системе координат, хотя и оправданный, несет с собой некоторую опасность. Прежде всего, новое равновесие может быть внутренне неустойчивым и неудовлетворительным, особенно если превратится в очередной вариант прежнего богословия пустых обещаний. Богословие надежды провозгласило, что Бог настоящего должен быть и Богом будущего; представители богословия освобождения предостерегали, что он не может быть Богом будущего без активной

освободительной деятельности в настоящем. Иными словами, всякое истинное богословие должно непосредственно воздействовать на мир здесь и сейчас.

Молодая свободная коалиция мыслителей, составляющая движение, известное как повествовательное богословие, в определенном смысле попыталась связать воедино все эти направления, добавив к ним еще одну тему. Бог — это динамичная реальность, наш спутник на жизненном пути. В центре его участия в жизни человека находится повествование. Бог призывает нас соединить наше личное повествование, нашу историю, с более глобальным повествованием о его собственной деятельности в истории.

В прошлом представители консервативной западной традиции — католики и протестанты — склонны были держаться в стороне от инновационных течений в протестантском богословии. Но в последние десятилетия ситуация начала меняться. Мы уже стали свидетелями того, как в середине и в конце двадцатого века католические мыслители попытались внести свой вклад в непрерывный процесс богословских дискуссий. Они ищут ответ на вопрос о соотношении имманентности и трансцендентности, давно преследующий их коллег-протестантов, известный в традиционном католическом богословии как проблема природы и благодати: может ли человек быть естественным образом открыт для общения с Богом, в то же время не предопределяя и не ограничивая свободу его самовыражения? Католические богословы, упомянутые в этой книге, напомнили нам, что ключ к ответу на этот вопрос можно найти только в человеческом духе.

Во второй половине столетия евангельское течение в консервативном протестантизме стало еще одним участником широких богословских дискуссий. Несколько евангельских мыслителей присоединились к попыткам переосмысления христианского вероучения в связи с изменениями в человеческом мировоззрении, произошедшими в эпоху Просвещения, о чем свидетельствует деятельность двух представителей этого течения, освещенная в нашей книге.

Несмотря на все вероятные недостатки, евангельское богословие внесло необходимые коррективы в порой неоправданное новаторство других. Они неустанно напоминают, что богословие призвано направить свои усилия на достижение равновесия между имманентностью и трансцендентностью. При этом они настойчиво отстаивают авторитетность Писания. Сторонники евангельской традиции предостерегают нас: в поисках новых моделей и парадигм мы не должны удаляться от библейского учения. Поэтому ценности евангельского богословия помогут нам заложить прочное основание богословия XXI века.

На этих страницах мы не смогли представить исчерпывающий перечень богословских учений, появившихся в последние десятилетия. Целому ряду других мыслителей, искавших решение больших и малых богословских проблем, удалось внести свой неповторимый вклад в развитие науки. Некоторых из них можно отнести к уже упомянутым крупным богословским течениям, которые у нас представлены наиболее яркими выразителями их идей. Другие прокладывали свой собственный независимый путь, который по разным причинам так и не привел их в основное русло. Некоторые направления поиска, возникшие в последние годы, еще слишком новы, чтобы оценить их и решить, окажут ли они значительное влияние на богословие будущего или уйдут в забвение как мимолетные увлечения богословского сообщества.

Одним из важных факторов, который будет определять развитие богословия в двадцать первом веке, по крайней мере в его начале, безусловно, станет проблема постмодернизма. Двадцатый век можно рассматривать как переходный этап. В прошедшие десятилетия человечество медленно, с остановками, но неуклонно уходило от модернистского наследия Просвещения. Но куда ведет этот путь и каковы будут особенности постмодернизма — вопрос остается открытым. Постмодернистские гуру заняты разрушением прежнего мировоззрения, они убеждены в одном: попытка модернизма построить рай на земле закончилась провалом. Какими бы ни оказались в итоге особенности постмодернистского мышления, это будет мировоззрение людей, отрезвленных реализмом, который обрушил на нас век поражений и несбывшихся ожиданий.

В определенном смысле двадцатый век заканчивается повторением урока, с которого он начался. Несмотря на самые благие намерения, мы не в силах сделать из земли небеса. Уверенность в этом позволяет многим сделать один вывод: нет ни небес, ни трансцендентности, ничего, за пределами этого миру — ни над нами, ни впереди. Мы всего лишь несовершенные люди, прикованные к несовершенной планете.

Может показаться, что зарождающееся постмодернистское мышление занимает позицию, враждебную вере, но на деле оно вполне может ознаменовать собой новую эру, благоприятную для богословия. Постмодернизм свидетельствует о том, что богословская история столетия оказала воздействие на западное мышление. Сохранявшее верность своим корням христианское богословие всегда предупреждало, что человеческие попытки создания нового мироустройства обречены на провал. Но это не означает полного отказа от веры и надежды.

Наша неспособность перенести небеса на землю лишь открывает перед нами гораздо лучшую возможность — Бог сам сотворит для нас новый мир.

Посему в момент перехода от модернистской эпохи к постмодернизму богословие получает возможность найти новое выражение христианского постулата о реальности трансцендентно-имманентного Бога. Этот Бог вторгается в нашу нынешнюю ситуацию, исходя из трансцендентной цели и предназначения всего мироздания. В то же время он имманентен в нашей повседневной жизни, в настоящем, приглашая заглянуть за пределы нашего несовершенства в недостижимое пока совершенство. Богословие должно принять приговор, вынесенный опытом двадцатого века: земля никогда не станет небесами. Но оно призвано также дарить надежду: «на земле» может быть, «как на небе». Бог, который обращается к нам из-за пределов вселенной, тот же, кто живет с нами в настоящем. Наше понимание этой истины лежит в основе богословского равновесия между имманентностью и трансцендентностью Бога.